

МАРИНА СЕРОВА

ГОРЯЧЕЕ ДЕЛЬЦЕ

Серия
"Частный детектив Татьяна Иванова"

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Рекламная пауза

«Научная книга»

2010

Серова М. С.

Рекламная пауза / М. С. Серова — «Научная книга»,
2010 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

На пустыре вблизи железнодорожной товарной станции был обнаружен труп девушки. В убийстве подозревается ее жених и однокурсник Николай Горобец. Он и обратился за помощью частному детективу Татьяне Ивановой...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Марина Серова

Рекламная пауза

Глава 1

– Где же этот чертов пульт? – с досадой спросила я сама себя, поскольку в квартире больше никого не было.

Часы показывали без одной минуты шесть. А я стараюсь, когда только это возможно, смотреть по телевизору местные новости. В моей профессии частного детектива это просто необходимо делать, чтобы быть в курсе последних событий.

И вот, вернувшись домой вовремя, я не могу включить телевизор, потому что куда-то запропастился этот самый чертов пульт дистанционного управления.

Люди окружили себя многими полезными, украшающими и облегчающими жизнь вещами. Но этот, казалось бы, безусловно, положительный факт имеет свою оборотную сторону. Мы становимся слишком зависимыми от этих самых вещей. Поломка телевизора, особенно если он в семье единственный, воспринимается почти как потеря близкого родственника, а уж неисправность холодильника – просто стихийное бедствие, затмевающее по своим последствиям наводнение где-нибудь в Бангладеш. Мне всегда хотелось узнать, на сколько часов нужно отключить электричество в каком-нибудь крупном городе, чтобы он превратился в абсолютно непригодное для обитания место и люди в ужасе побежали из него, словно тараканы из обрызганной дихлофосом кухни.

Пульт наконец обнаружился. Он почему-то лежал в кармане махрового купального халата. Если бы я не была детективом, то вполне могла не найти его до очередного визита в ванную. Все-таки мне очень повезло с профессией. Просто трудно понять, как находят свои вещи одинокие женщины, не являющиеся профессионалами в этом деле.

Телевизор мягко щелкнул и через несколько мгновений заговорил хорошо знакомым голосом диктора одного из местных каналов. Ничего интересного он, правда, не сообщил. Во всяком случае, для меня. Но не исключаю, что в городе имеется некто, воспринявший как важную новость известие о том, что губернатор, облачившись в белоснежный халат, лично посетил приглянувшийся ему коровник.

Конец мая в этом году выпал на редкость жарким. Краем уха слушая диктора, я раздевалась, намереваясь отправиться под душ. Попутно я не могла отказать себе в удовольствии полюбоваться на свое изображение в большом зеркале, вделанном в дверку платяного шкафа. То, что я там видела, выглядело совсем неплохо. Легко понять мужчин, оборачивающихся мне вслед, когда я иду по улице в достаточно облегающем платье. К сожалению, это бывает реже, чем хотелось бы. В основном согласно требованиям профессии приходится одеваться так, чтобы поменьше бросаться в глаза.

К счастью, мой гонорар, полученный за последнее дело, был настолько весом, что я могла позволить себе устроить небольшой, недели на три-четыре, отпуск. Жара и деньги делают человека ленивым.

Вообще, как я успела заметить, материальное благополучие губительно сказывается на квалификации сыщика. Возможно, и не только сыщика, просто я говорю о том, что знаю. Хороший счет в банке не служит стимулом для опасной и зачастую грязной работы. А спортивный азарт – стимул хоть и сильный, но, увы, недолговечный.

Когда диктор дошел наконец до криминальных новостей, на мне из одежды оставался только маленький золотой крестик на тонкой тоже золотой цепочке.

– Загадочное и жестокое убийство произошло сегодня ночью в нашем городе, – сообщил диктор с умело сдерживаемым негодованием и горечью в хорошо поставленном голосе, – подробности сообщит наш специальный корреспондент Евгений Соколов.

На экране появилась лунообразная физиономия спецкора, а паузу прервал его взволнованный голос:

– Сегодня ночью, примерно в половине первого, случайными прохожими на пустыре вблизи железнодорожной товарной станции был обнаружен труп девушки. Личность ее пока не установлена.

При этих словах спецкора на экране появилось изображение ночного, но хорошо освещенного пустыря. Собственно говоря, судя по некоторым попавшим в кадр деталям, это был даже не пустырь, а какая-то законсервированная или, как это теперь часто бывает, просто брошенная на уровне нулевого цикла стройка, обнесенная, впрочем, довольно солидным деревянным забором. Одной стороной пустырь примыкал к огромной, глухой, разрисованной, как рекламный щит, стене какого-то пакгауза.

– Некоторые странные детали позволяют подозревать, что убийство совершено либо маньяком, либо неизвестной организацией с политическими или националистическими целями.

Последнюю фразу спецкор произнес, стоя с микрофоном в руке на фоне пакгауза. Камера стала наезжать на столб, вкопанный почти у самой стены. То, что издали выглядело как столб, при ближайшем рассмотрении оказалось крестом. А на еще более крупном плане – распятием.

Девушка была распята на кресте.

Ее руки были привязаны прямо над головой к короткой поперечине так, что она висела на них, доставая слегка подогнутыми в коленях ногами, обутыми в туфли на высоких каблуках, до земли. Светловолосая голова каким-то образом держалась прямо, позволяя увидеть ее мертвое, но, тем не менее, спокойно-красивое лицо с закрытыми глазами. Из одежды на ней были кружевные черные трусики и такой же, видимо это был комплект, бюстгальтер. И то, и другое, уж я-то знаю в этом толк, очень дорогое и красивое. И вся эта картина, несмотря на весь ее ужас, поражала своей ошеломляюще неуместной на этом полупустыре-полупомойке красотой. Особенно хороша была фигура девушки. Таких я не видела даже на конкурсах красоты. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что, на мой взгляд, организаторы и жюри подобных конкурсов слишком явно отдают предпочтение чересчур, как бы поосторожнее выразиться, сухощавым девушкам.

Невольно переведя взгляд с экрана телевизора на зеркало и сравнив изображения, я огорчилась: сравнение было явно не в мою пользу. То, что еще две минуты назад казалось почти идеальным, сейчас представлялось не более, чем посредственным.

«Зато я живая», – с невольным, но столь свойственным каждой женщине злорадством подумала я.

Над руками девушки была прибита картонная табличка с довольно невразумительной надписью:

«Смерть жидомасонам, демократам и проституткам!»

Спецкор Соколов изрекал за кадром какие-то не относящиеся к делу банальности. В заключение он пообещал сообщить более свежую информацию по этому делу в следующем, восьмичасовом выпуске новостей.

На ярко освещенной стене пакгауза, служащей своеобразным задником этой ледящей душу сцены, можно было прочесть, что фирма «Сирена» готова по умеренным ценам и в кратчайшие сроки обеспечить поставки разнообразных видов химической продукции.

Дождавшись окончания выпуска, я выключила телевизор и отправилась в ванную купать свое, увы, несовершенное, зато полное жизни тело.

В ванной мне пришла в голову странная мысль, которой я не смогла воспротивиться. А именно, записать восьмичасовой выпуск новостей с обещанной спецкором свежей информацией по делу об убийстве девушки на видеомagneтофон.

Глава 2

Следующий день прошел в хлопотах, связанных с предстоящим отпуском, провести который я намеревалась где-нибудь в теплых и, желательно, благоустроенных краях. В турбюро мне предложили Болгарию, Кипр, Испанию, Турцию и т. д. и т. п., чем поставили в крайне затруднительное положение, связанное с проблемой выбора. Пришлось взять тайм-аут, чтобы принять правильное решение.

Положение осложнялось тем, что я терпеть не могу путешествовать в одиночестве, а в данный момент, главным образом в связи с моей чрезвычайной занятостью в последнее время, достойной кандидатуры для совместного отдыха не просматривалось.

С другой стороны, притащить в курортную зону своего мужика, все равно, что приехать в Тулу со своим самоваром.

Погруженная в размышления и обуреваемая сомнениями, я посетила парикмахера, маникюршу, портниху и, совершенно всем этим, вкупе со все усиливающейся жарой, измотанная, вернулась домой, мечтая теперь отправиться на отдых куда-нибудь в Норильск, где, как проинформировал меня диктор телевидения, температура воздуха была не выше шести градусов тепла, да еще с дождичком. Живут же люди!

Перед тем, как сообщить прогноз погоды, в шестичасовом выпуске новостей канал ОРТ показал вчерашний сюжет с убийством на пустыре, добавив от себя, что установлена личность убитой. Ее имя – Светлана Рогова, двадцати лет, студентка четвертого курса университета, изучавшая романо-германскую филологию. Органы МВД и прокуратуры разрабатывают перспективную версию преступления, но в интересах следствия подробности пока не разглашают.

Для специалистов, поднаторевших в изучении милицейско-канцелярской филологии и способных перевести этот бюрократический новояз на обычный русский язык, такое сообщение могло означать все, что угодно. Например, что эти весьма компетентные во всех отношениях органы пребывают в полной растерянности или что, арестовав первых подвернувшихся под руку бедолаг, оперативники и следователи лупят их почем зря в следственных застенках, выбивая «чистосердечное признание», чтобы предъявить возмущенной либеральной общественности того, кто первым сломается.

Выключив телевизор, я взялась за газеты.

Скандалный «Столичный комсомолец» не пожалел приличного куска первой полосы для фотографии убитой девушки на кресте с аршинным заголовком:

«Ритуальное убийство в Тарасове».

Надо отдать должное газете, фотография была очень качественная. Помимо распятого тела несчастной девушки и идиотской надписи над ней, можно было даже свободно прочитать рекламу фирмы «Сирена» на стене пакгауза.

Чего никак не скажешь о прокоммунистической «Советской Руси», поместившей плохонькую неразборчивую фотографию. Из сопровождающего ее текста выпирало плохо скрываемое раздражение от того, что на табличке не было надписи: «Смерть коммунистам!»

Очевидно, в этом случае фотография была бы надлежащего размера и качества, а призывы свержения антинародного прогнившего режима, несомненно, совершившего эту злостную провокацию, дабы развязать разнузданную травлю народно-патриотических сил, еще более надоедливы и бестолковы, хотя это и представляется мне почти невозможным.

Явно упивающаяся своей солидностью и аналитичностью «Литературка» опубликовала обширнейшую и нуднейшую статью, подписанную неким Капелевичем, в которой на полном серьезе обсуждался вопрос о возможности еврейских погромов на юге России. К величайшему облегчению запуганного читателя, автор в конце концов делал вывод, что подобное развитие событий маловероятно. Надо проследить, не появится ли в одном из следующих номеров в

порядке развития столь актуальной темы статья о возможности масонских погромов на Крайнем Севере России, как о событии, гораздо более злободневном, чем первое. И что уж казалось даже менее вероятным, чем еврейские погромы, «Литературка» тоже поместила фотографию убитой.

Воистину, со времени убийства Листьева ни одно преступление не получило такого общественного резонанса.

Отбросив газеты, я опять включила телевизор. В конце концов, я в отпуске или нет? Имею я право отдохнуть от всей этой криминально-полицейской чехарды и всецело отдаться решению проблемы организации предстоящего курортного турне?

К счастью, на одном из местных телеканалов показывали какую-то американскую не очень смешную, но все же комедию. Устроившись поудобнее в кресле, я приготовилась добросовестно отдохнуть.

Но не тут-то было. Минут через десять демонстрация фильма была прервана очередной информационной программой. Опять показали губернатора в белом халате. На этот раз он посетил городской морг. Наше местное телевидение никак не назовешь «фабрикой грез»: садишься смотреть комедию, а оказываешься, пусть даже в компании самого губернатора, на фильме ужасов. Я пошла на кухню варить кофе. Когда я вернулась с чашечкой в руках, выпуск новостей подходил к концу. Озабоченный диктор сообщил, что в убийстве Роговой подозревается ее жених и однокурсник Николай Горобец, скрывающийся в настоящее время от следствия. Областная прокуратура просит граждан, которым известно нынешнее место пребывания Горобца, незамедлительно сообщить об этом по изображенным бегущей строкой номерам телефонов. Вознаграждение гарантируется.

В раздражении я схватила с полки первую попавшуюся видеокассету и впихнула ее в щель видеомэгафона. Пусть я и смотрела эту пленку сто раз, зато я буду уверена, что ее бесцеремонно не прервут на самом интересном месте, чтобы показать коровник, морг или чью-нибудь уголовную рожу.

Уголовная рожа появилась на экране до того, как я успела переключить телевизор на видеомэгафон. Следует признать, что была она весьма и весьма симпатичной. Даже, можно сказать, красивой. Качественная цветная фотография демонстрировала немного грустное лицо молодого человека лет двадцати четырех – двадцати шести с темными, почти черными слегка выющимися волосами и большими голубыми глазами. Чертами лица он был немного похож одновременно на Алена Делона и Бориса Немцова.

Если человек с таким лицом может быть маньяком и убийцей, то теория Ломброзо о связи внешности и преступных наклонностей явно ошибочна. О чем лично я очень и очень сожалею. Хотя, если вдуматься, какое мне до всего этого дело?

Я решительно переключила телевизор на просмотр мэгафона. Пока шла перемотка ленты к началу, я бросила магические кости:

16 + 6 + 36.

«Вы столкнетесь со злом, пытаясь защитить других от бесчестья».

Интересно. Я никого не собираюсь защищать от бесчестья! Наоборот, я собираюсь отдохнуть пару недель на берегу теплого моря и мечтаю, чтобы меня оставили в покое хотя бы на это короткое время. И начну я свой отдых прямо сейчас, чего бы мне это ни стоило!

Я яростно ткнула пульт управления в сторону видеомэгафона, нажимая на кнопку пуска.

Но от судьбы, как видно, действительно, не уйдешь. На экране телевизора появился злополучный пустырь с распятой на столбе девушкой. Второпях я поставила кассету с записью одного из первых репортажей об этом преступлении.

Дальнейшие свои высказывания по этому поводу я опускаю, как не выдерживающие никакой, даже самой снисходительной цензуры.

Мой нецензурный монолог был внезапно прерван звонком у входной двери. Открыв ее, я обнаружила у своего порога того, кого ожидала увидеть менее всего на свете. Застенчиво моргая длинными ресницами, передо мной стоял Николай Горобец собственной персоной.

Глава 3

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался мой посетитель, – вы Татьяна Иванова?

– Я, – мой ответ последовал совершенно машинально.

– Мне посоветовал к вам обратиться один знакомый. Дело в том, что я оказался в очень неприятной ситуации...

– О ваших неприятностях в настоящий момент осведомлены как минимум миллион человек, а через... – я посмотрела на часы, – через одиннадцать минут узнает еще миллион сто. Так что, господин Горобец, избавьте меня, пожалуйста, от излишних подробностей, а заодно и от своей персоны. Не в моих правилах получать вознаграждение за поимку преступников таким простым способом, как элементарный донос.

– Но я не преступник! – в отчаянии воскликнул мой собеседник. – Я никого не убивал! Меня решили ложно обвинить в этом, потому что не хотят искать того, кто сделал это на самом деле!

Что ж, весьма похоже на нашу милицию. В голосе этого высокого крепкого парня было столько отчаяния, что я не выдержала. Женское сердце – не камень. Шагнув в сторону, я сделала рукой приглашающий жест:

– Ладно, заходи, пока соседи не сбежались. Не хочу, чтобы кто-то перехватил причитающуюся мне награду.

Вошедший в прихожую Горобец при этих словах бросил на меня такой испуганный взгляд, что мне пришлось его успокоить:

– Шутка, – сухо пояснила я. Горобец изобразил на лице жалкое подобие улыбки.

«Дура! – мысленно выругала я себя. – Нашла над кем шутить! Как бы он у меня тут в обморок не упал».

Горобец настолько не был похож на хладнокровного, жестокого и циничного убийцу, что у меня сразу появились сильные сомнения по поводу его виновности.

Он прошел в гостиную и, повинувшись моему приглашающему жесту, осторожно присел на краешек дивана.

– И давно вы ударились в бега? – поинтересовалась я, усаживаясь в кресло напротив.

– Вчера вечером.

– Почему?

– Испугался.

– Чего?

Горобец замялся, опустил глаза и прошептал:

– Боялся, что в милиции меня будут бить.

– А с чего это вы взяли, что в милиции бьют? Вы уже имели с ней дело?

– Нет, что вы! Рассказывали знакомые, да и в газетах об этом пишут.

Действительно, мы уже дожили до того, что о пытках в милицейских застенках, с одной стороны, можно писать, но, с другой, можно не обращать на это внимания. Долго такое состояние неустойчивого равновесия длиться, конечно, не может. Остается только гадать, в какую сторону качнется маятник: запретят об этом писать или все-таки начнут с этим бороться.

– Зачем вы пришли ко мне? – продолжала я свой импровизированный допрос.

– Мне рассказывал о вас один знакомый, вы ему здорово помогли в свое время.

– Он вам случайно не рассказывал, сколько я беру за свои услуги?

Горобец опять в смущении опустил глаза и даже слегка покраснел.

– Рассказывал. Я сейчас не могу вам заплатить, но потом я непременно...

– Хорошо, пока не будем об этом.

– Так вы согласны мне помочь? – с надеждой в голосе спросил мой потенциальный клиент.

– Не знаю, – тяжело вздохнула я, – в моих ближайших планах, признаться, ваша персона не фигурировала. Но, как известно, – я задумчиво накрутила локон своих волос на палец, – планы могут меняться.

В его глазах застыл немой вопрос.

– Ну, хорошо, – я уселась в кресле поудобней, – расскажите все, что сочтете нужным, а потом мы решим, что делать.

– Да что, собственно, рассказывать?

Со Светкой мы поругались дней пять тому назад. И с тех пор я ее не видел. – Вы что, не ходили на занятия? Ведь, насколько я поняла, вы с ней вместе учились?

– Понимаете, мы учились в параллельных группах. К тому же семестр подходит к концу. Началась зачетная сессия, и некоторых занятий уже нет.

Он замялся и замолчал. Я терпеливо ждала.

– В общем, мы больше не виделись.

– Она вас избегала?

Горобец неопределенно пожал плечами:

– Наверное. Хотя я и сам особенно не стремился с ней встретиться. Я действительно сильно разозлился на нее.

– Из-за чего, собственно?

– Последнее время она начала себя как-то странно вести.

– Что именно вам показалось странным? – заинтересовалась я.

Странности – это как раз по моей части.

– Во-первых, она стала пропускать занятия и хуже учиться. Во-вторых, соседки по обществу, где она жила, стали говорить, что она там частенько не ночевала.

Знакомые симптомы.

– Родственники у нее здесь есть?

– Нет, из родни у нее только мать и тетка в деревне. Они приезжали раза два в год, по очереди. Привозили кое-что из харчей.

– Деньгами не помогали?

– Откуда? Сами с хлеба на квас перебиваются, обе вдовы.

– Понятно. Тогда я, кажется, могу догадаться, что было странного, в-третьих. Она стала покупать дорогие красивые вещи и уделять вам меньше внимания. Верно?

– Верно! Но как вы догадались?

– Потом расскажу. Сначала ответьте мне на один деликатный вопрос. Вы были с ней близки?

Горобец вспыхнул, как маков цвет. Редкая способность для современного молодого человека в его возрасте. Особенно, если он убийца и маньяк.

– Да, – еле слышно выдавил он из себя.

– Как давно это началось?

– Осенью прошлого года.

– До вас у нее кто-нибудь был?

Он отрицательно покачал головой, не поднимая глаз.

– Вы собирались пожениться?

– У меня были такие намерения, но... – он опять замялся. – Но что?

– Мы это не обсуждали.

– Понятно. Кто ваши родители?

– Мать учительница, а отец врач-терапевт в районной поликлинике.

– Вы единственный ребенок в семье?

– Да.

На эти вопросы он ответил намного охотнее, чем на предыдущие.

– Как ваши родители относились к Роговой?

Опять заминка и опущенные вниз глаза. Собственно говоря, ответ и так ясен: родители были против дружбы их драгоценного чада с пусть красивой, но безродной деревенской девушкой.

– Из-за этих странностей и произошла ваша ссора?

– Да.

– Вас допрашивала милиция?

– Да, как и многих в университете, кто ее знал.

– Что же вы им рассказали?

– Что видел ее последний раз пять дней тому назад.

– И все?

– Все.

– О вашей связи вы не рассказывали?

– Нет. С какой стати?

– А с какой стати вы подались в бега?

– Вчера мне позвонил один мой приятель, Кирилл Зарубин, и рассказал, что когда его допрашивали в милиции, он без всякой задней мысли проговорился, что мы со Светкой... ну, дружили, а недавно поссорились. После этого следователь, который его допрашивал, сразу засуетился и стал звонить своему начальнику. Звук в телефонной трубке был хороший, и Кирилл услышал, как тот сказал, что раз я это скрыл от них, значит, у меня рыло в пуху и что меня нужно арестовать и поприжать покрепче, чтобы я раскололся. Как только Кирилла отпустили, он тут же позвонил мне домой и предупредил...

– Дальше все ясно. Раз вы скрылись, значит, виноваты тем более. А вы спрашивали, с какой стати вам рассказывать об этой связи. Вот вам и ответ: скрыли, значит, имели основания. Что вы делали в тот вечер, когда произошло убийство?

– Сидел дома, готовился к зачету.

– Дома кто-нибудь был?

– Никого, родители ночевали на даче.

– Кто-нибудь к вам заходил?

Горобец опять отрицательно покачал головой.

– Выходит, алиби у вас нет. Действительно, для милиции вы лакомый кусок.

– Поэтому я и удрал.

– Родителям вы что-нибудь говорили? Он отрицательно покачал головой:

– Когда я уходил, их дома не было, но я оставил записку, что ни в чем не виноват. Звонить им я побоялся.

– И правильно, записки пока достаточно. А где вы провели эти сутки?

– На даче у одного приятеля. Но когда по телевизору мою физиономию показали, он испугался и попросил меня уйти, хотя я с самого начала ничего от него не скрывал.

– Черт с ним! Все равно всех ваших приятелей сейчас перетрясут как следует. Надеюсь, вы ему не сказали, что направились ко мне?

– Нет, конечно.

– Слава богу! Значит, есть время не торопясь все обдумать. Попробую вам помочь, сама, правда, не знаю, зачем мне это нужно. Кроме неприятностей, это дело ничего мне не сулит.

На лице моего новоявленного клиента были написаны такое облегчение и нескрываемая радость, что я сразу поняла, почему ввязалась в это дело.

– Есть хотите? – спросила я, решив, что помощь нужно начинать пусть с чего-то малого, но конкретного.

– Очень!

– Посмотрите пока телевизор, а я что-нибудь приготовлю, – сказала я, поднимаясь с кресла и направляясь на кухню.

Когда через пять минут я вернулась, чтобы пригласить его на ужин, то обнаружила, что он спит, сидя на диване и откинув голову на его высокую спинку, трогательно посапывая и причмокивая во сне, как ребенок. Кем он, в сущности, и был, как, впрочем, большинство мужчин даже и в более зрелом возрасте.

Глава 4

По телевизору в это время шла программа новостей НТВ. Показали фотографию моего спящего сном праведника клиента и затем объявили, что фирма «Сирена» назначила награду в размере ста миллионов рублей за раскрытие этого преступления.

Дело раскручивалось, стремительно 3 набирая обороты. Нам тоже не следовало терять времени. Только что, разогревая на кухне консервированные голубцы, я в общих чертах наметила план действий.

От легкого прикосновения моей руки к плечу Горобец встрепенулся с легким криком.

– Все в порядке, Николай, – успокоила я его, – пойдём на кухню. Вы перекусите и заодно ответите мне еще на пару вопросов.

Дождавшись, когда мой гость немного утолит свой очевидный голод, я спросила:

– Вы не знаете, может быть случайно, каких-либо знакомых Светланы, с которыми она общалась во время своих... э-э... отлучек?

Не отрываясь от голубцов, он отрицательно помотал головой.

– А вообще у нее были какие-то знакомые, помимо ваших общих? – не отступала я.

На этот раз Горобец задумался. Проглотив очередную порцию, он задумчиво произнес:

– Близких, известных мне, не было. Она ведь приезжая, а в университете круг знакомых у нас был почти один и тот же.

Он опять вонзил вилку в голубец. Я вздохнула разочарованно.

– Хотя, – неуверенно начал что-то вспоминать Николай, – именно по этой причине я один раз и запомнил, что она поговорила о чем-то с незнакомой мне, но, видимо, хорошо знакомой ей девушкой.

– Когда это было? – быстро спросила я.

– Месяца два назад.

– После начала ее странных отлучек?

– Да, где-то вскоре после этого.

– Где произошла эта встреча?

– В каком-то кабаке: мы там оказались совершенно случайно. Один мой приятель неплохо заработал на какой-то очередной предвыборной агитации и пригласил нас обмыть это дело. Мы заглянули в эту забегаловку, но нам там не понравилось, и мы быстро ушли.

– А что эта девица там делала?

– Сидела в небольшой компании: пили пиво, курили. Ничего особенного. Правда, мне показалось, что она там не в первый раз.

– Это почему?

– Она что-то заказала бармену, и, когда заказ был готов, а она в это время как раз шушукалась со Светкой, он позвал ее по имени. Девица забрала пару стаканов и вернулась к своим за столик, а мы ушли искать местечко получше.

– Как бармен ее называл? Не помнишь?

Он опять ненадолго задумался.

– Нет, не помню. Но только не по имени. Я еще подумал тогда, что это похоже на собачью кличку.

– Подумай лучше. Какая кличка? Белка? Стрелка?

– Нет, – покачал головой Горобец, – не помню.

– А кабак тот помнишь?

– Название не помню, их там, как мух на помойке, но найти найду, если надо.

– Надо, – уверенно заявила я и отправилась в спальню переодеваться.

* * *

Я решила одеться поспортивней: джинсы, кроссовки, свободная рубашка с коротким рукавом.

Выйдя из спальни, я протянула Горобцу ключ.

– Что это? – удивленно спросил он.

– Ключ от квартиры.

– Где деньги лежат? – насмешливо поинтересовался он, продемонстрировав знание классики.

– Запомни адрес, – сухо вато приказала я, – сюда ты уже не вернешься. Ключи эти от моей секретной квартиры. Поживешь пока там. Если все будет нормально, я тебя туда провожу, но если мы по каким-либо причинам расстанемся, доберешься самостоятельно. Понял?

Он утвердительно кивнул головой, и мы покинули мою обитель.

* * *

Вопреки уверенности Николая в том, что он сможет легко найти нужное нам предприятие общепита, старомодно именуемое им «кабак», нам пришлось изрядно поколесить на моей машине в этом районе, пока наконец не прозвучал его сникший голос:

– Кажется, здесь.

Я притормозила машину, подыскивая место для парковки. Таковое нашлось метрах в тридцати от входной двери ничем не примечательной с виду забегаловки под звучным названием «Нарцисс». Немного поколебавшись, я обратилась к своему клиенту, с которым мы к этому времени уже плавно перешли на «ты»:

– Пойди, загляни, есть она там или нет, и сразу возвращайся сюда. И поосторожней, не забывай, что ты в розыске. Надень-ка очки.

С этими словами я достала из «бардачка» большие темные очки и протянула их Николаю. Тот понимающе кивнул головой и вышел из машины.

Вернулся он очень быстро: через полторы-две минуты.

– Кабак тот самый, но ее там нет, – доложил он результаты своей экспедиции, усаживаясь на переднее сиденье и захлопывая дверку.

– Народу много?

– Нет, один столик занят. За ним четыре парня и две телки.

– Николай, выражайся поприличней, – упрекнула я его, – ты же все-таки филолог, а не беспризорник.

Он вяло отмахнулся, показывая, что о филологии в данной ситуации лучше не вспоминать.

– Бармен на месте?

– Да, но только не тот, что был прошлый раз. Тот был рыжий и конопатый.

– А этот какой?

– Лысый.

– Хорошо. Присматривай за входной дверью и не просмотри эту девицу, если, конечно, она заявится.

– Не посмотрю, не волнуйся.

– Кстати, ты не вспомнил, как ее называл рыжий бармен?

– Нет, – с досадой ответил Николай, – в голове крутится, но никак не вспомню.

– Ну, ну. Советую напрячь мозги. Имеешь шанс заметно облегчить нам жизнь. Особенно себе.

- Да я и так стараюсь. Скоро голова задымится.
- Смотри из-за дыма не прозевай ее, если придет.

Он кивнул головой. Быстро сгустились сумерки, но вход в «Нарцисс» был хорошо освещен.

Чтобы не мешать Николаю, я замолчала. Но сидеть без дела в тишине было скучно. Помаившись минут десять, я включила приемник. Транслировали какую-то оперетту. Слушая ее краем уха, я постепенно углубилась в свои мысли.

Внезапный вопль Николая заставил меня подпрыгнуть на сиденье:

– «Летучая мышь»! Точно! Ну как я мог забыть?! – Какая мышь? – не поняла я. – Оперетта, которую ты включила, это «Летучая мышь».

– Ну и что?

– Он назвал ее Эмма!

– При чем здесь Эмма? Ты же говорил, что это было похоже на собачью кличку.

– Так звали собаку Шульца, – произнес Николай загадочную фразу, ткнув пальцем в радиоприемник.

– Не собаку, а жену, – автоматически поправила я его, неожиданно для себя повторив только что слышанную по радио фразу.

Прошла целая секунда, прежде чем до меня дошло.

– Поняла! – в свою очередь воскликнула я, хлопнув себя по лбу. – Признаться, не ожидала, что ты так хорошо знаком с опереттой.

– Я же все-таки филолог, а не беспризорник.

Глава 5

Войдя в «Нарцисс», я обнаружила, что с тех пор, как туда заглядывал Николай, ничего не изменилось: парни с «телками» сидели в углу зала с правой стороны от входа. Над ними клубами поднимался табачный дым, не лишая, однако, только что вошедшего посетителя возможности прочитать висевший прямо рядом с ними плакат:

«Извините, у нас не курят».

Под этой надписью можно было, опять же без труда, прочитать добавление, сделанное шариковой ручкой:

«А у нас, извините, курят».

Стойка бара располагалась слева от входа. Лысый бармен ярко выраженной кавказской национальности через большое окно безучастно наблюдал за прохожими. Подойдя поближе, я прочитала на карточке, закрепленной на его белой рубашке:

«Мамедов Рустам Ибрагимович».

Эта надпись странным образом противоречила другой, вытатуированной у основания большого пальца его правой руки и позволяющей предполагать, что обладателя этого пальца зовут, либо звали в прошлом, Ашотом.

– Здравствуйте, – поздоровалась я, приблизившись к стойке. Нехотя оторвавшись от созерцания вечерней улицы, бармен перевел взгляд на мою скромную персону. Секунды за три развед меня взглядом и оставшись, судя по масляно заблестевшим маленьким агатовым глазкам и слащавой улыбке, довольным результатами осмотра, он без всякого акцента ответил на приветствие:

– Добрый вечер, чего желаете?

– Кока-колу, пожалуйста. Если можно, похолодней.

– Конечно, можно. Для вас все, что угодно, – засуетился он, вытаскивая из-под стойки запотевшую бутылочку, – простудиться не боитесь?

– Лучше умереть от пневмонии, чем всю жизнь пить теплую кока-колу.

Он захихикал, наливая напиток в стакан:

– Хорошо сказано, надо запомнить.

Я тоже улыбнулась, кивнула головой, осушила стакан и сама вылила в него остатки из бутылки: пить я действительно хотела ужасно. Расправившись с остатками кока-колы, я небрежно спросила бармена:

– Рустам Ибрагимович, Эмма сегодня не появлялась?

Он равнодушно пожал плечами:

– Какая Эмма? Не знаю никакой Эммы.

– Да ладно тебе, – не отступала я, – у меня к ней срочное дело.

Я доверительно наклонилась в его сторону и, понизив голос, добавила:

– Есть возможность неплохо подзаработать.

– А-а, – удивленно протянул бармен, – так ты тоже... – глаза его забегали еще сильнее, а в уголках рта заблестела слюна.

– Размечтался! – осадила я его, отметив, что Эмму он все-таки знает. – Выкинь это из головы. Я по другой части. Если сможешь мне с ней связаться, то и тебе перепадет.

С одной стороны, бармен был разочарован, а с другой – проявил явный интерес:

– А по какой ты части?

– По денежной, – отрезала я. – Ну, так ты сможешь мне, или другого помощника подыскать?

– Зачем искать? – он недоуменно пожал плечами. – Загляни завтра в это же время. Я что-нибудь придумаю. Как тебя зовут?

– Татьяной.

– И что же, Танечка, я с этого буду иметь?

– Не волнуйся, Ашот Ибрагимович, не обижу.

Его слащавая улыбка слегка искривилась, а правая рука с наколкой, до того лежавшая на стойке, мгновенно исчезла под ней.

Я бросила на специальную тарелочку пятидесятитысячную купюру и, одарив бармена лучезарной улыбкой, покинула заведение, помахав на прощание рукой.

Глава 6

Утро следующего дня я начала с того, что отправилась на место преступления.

Пришлось немало поколесить по закоулкам вокруг товарной станции, прежде чем я смогла добраться до злополучного пустыря. Как я уже заметила в телевизионном репортаже, пустырь был обнесен высоким и плотным деревянным забором. На воротах висел массивный замок.

Обойдя, с риском переломать себе ноги, весь пустырь по внешнему периметру ограды, я обнаружила одну интересную деталь: ни из одной точки, расположенной вне ограды, рекламу, изображенную на торце здания пакгауза, не было видно полностью. Странная какая-то получается реклама. Чтобы с ней ознакомиться, необходимо добраться до пустыря, блукая по пересеченной местности, а затем каким-то образом перемахнуть через высоченный забор.

Очень странно. Этот пустырь был настолько же неподходящим местом для рекламы, насколько удобным для убийства.

* * *

Возвращаясь назад, я закупила в ближайшем киоске все местные печатные издания.

* * *

Жара не только не спадала, но продолжала усиливаться. Оказавшись дома, я первым делом приняла прохладный душ и смыла с себя пыль и грязь, налипшие во время лазания по канавам вокруг пустыря. Закрыв кран, я не стала ни вытираться, ни одеваться, а села голой и мокрой на сквознячке за кухонный стол, на котором были свалены все купленные газеты. Минут десять, пока тело не высохнет, можно будет провести в состоянии относительного теплового комфорта.

Уже три года подряд, когда наступает жара, я собираюсь купить кондиционер, но всегда что-нибудь мешает это сделать. А когда жара спадает, я, естественно, забываю о нем. Вот и теперь, как ни лень, но нужно приниматься за работу.

Вооружившись бумагой и карандашом, я выписала телефоны всех обнаруженных в газетах рекламных агентств. Таковых оказалось в городе около полутора десятков. Позвонив по первому в списке телефону, я представилась сотрудником мелкооптовой фирмы и поинтересовалась условиями изготовления рекламного плаката на стене дома. Мне не очень любезно разъяснили, что они таких работ не выполняют. Я не стала уточнять, какие же, собственно, работы они выполняют, и положила трубку, подивившись про себя их узкой специализации.

Только в четвертом по счету рекламном агентстве мне ответили, что берутся такую работу сделать. Тогда я поинтересовалась, не они ли делали аналогичную по форме рекламу для фирмы «Сирена». Мне ответили, что нет, не они, но понимают, о чем идет речь, и могут сделать не хуже. Я поблагодарила и обещала подумать.

Интересующая меня фирма оказалась в начале второго десятка номеров моего списка. На мой вопрос, нельзя ли мне ознакомиться с другими образцами рекламной продукции, выполненной для фирмы «Сирена», помимо названного, молодой и приятный женский голос сообщил, что такие подробности можно узнать только у директора агентства, Александра Викторовича Быкова, которого в данный момент на месте нет, но который будет через час и с удовольствием предоставит мне исчерпывающую информацию по интересующему меня вопросу, если, конечно, я соблаговолю прибыть к ним в контору к этому времени.

– Хорошо, я приеду, – коротко отреагировала я на эту громоздкую тираду.

– Как вас записать?

– Татьяна Иванова, директор агентства.

Какого именно агентства, я уточнять не стала.

– Очень приятно, госпожа Иванова, ждем вас через час, – прошептал приятный женский голосок, который тут же был заменен короткими неприятными гудками. Вежливость вежливостью, но времени в этой конторе, видимо, зря не теряют.

Придется и мне последовать их примеру. Я вздохнула и отправилась одеваться.

* * *

Александр Викторович Быков был довольно молод, лет тридцати семи. Несмотря на жару, он был одет в элегантный светлый костюм и рубашку с галстуком. Впрочем, костюм был легкий, шелковый, а в его небольшом, но уютном кабинете было довольно прохладно. Видимо, Александр Викторович не забыл вовремя приобрести кондиционер. Похоже, он вообще мало что забывал. Это позволяло надеяться, что интересующие меня детали сотрудничества с фирмой «Сирена» также не будут им упущены.

– Здравствуйте, Александр Викторович, меня зовут Татьяна Иванова. Меня интересуют условия размещения рекламы, – начала я энергично и без подготовки.

– Здравствуйте, я весь внимание, госпожа Иванова. Что вас конкретно интересует?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.